

ГДЕ МОЯ РОДИНА

Свои воспоминания я посвящаю детям-сиротам
Великой Отечественной войны
(Второй Мировой войны)

БОГДАНОВА Р.И.

Раиса Ивановна Богданова

Где моя Родина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41608372

ISBN 9785447446192

Аннотация

От автора:Моя история началась задолго до моего рождения. Моя мать, как и многие жители Земли, жила, училась и мечтала о будущем. Никто не ожидал, что мечты рухнут в один миг, как карточный домик. Все изменилось 22 июня 1941 года.«Пусть у народа память сохранит рассказы тех людей, кто был на той войне».

Содержание

Часть 1. Кто я? Чья? Откуда?	6
Свои воспоминания я посвящаю детям – сиротам Великой Отечественной войны (Второй Мировой войны)	6
Где моя Родина?	8
Расставание с матерью	9
Вторая мама – немка	12
Детский дом при ПФЛ №226. г. Бранденбург ФРГ. Встреча с Россией	14
Старшие девочки – шефы	18
Личное дело	20
Женщина с моей фамилией	22
Санаторный детский дом	23
Детский дом. Посёлок Калиновка	25
Разрешение на содержание	26
Трудовое и музыкальное воспитание	28
Пограничный детский дом.	33
Поезд идёт на восток	36
Моё замужество	40
Начало моего поиска, 1964 год	44
На память 23.04.1965 года	48
Уроки жизни	50
Жизнь продолжается	52

Новая работа	54
Переезд в Ростовскую область	57
Первое письмо от приемной матери. Берлин, 1 сентября 1969 год	58
Смерть мужа	63
Жизнь вдовы	67
Поездка за моральной поддержкой к приемной матери в Германию в 1972 году	69
Родные воспоминания	71
Знакомство с Берлином. Трептов-парк	74
Последние годы жизни в Ростовской области	76
И опять надо жить по-новому.	78
Продолжение поиска	79
Падение Берлинской стены.	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Где моя Родина

Раиса Ивановна Богданова

© Раиса Ивановна Богданова, 2024

ISBN 978-5-4474-4619-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемый читатель! Вы открыли мою книгу и мне хочется, чтобы Вы её прочитали и поверили, что даже невозможное возможно. Больше 50 лет я посвятила поискам, родства, дома, любви и счастья. Это книга создана для того, что бы верить в будущее и не опускать руки, даже если выхода нет.

В моей книге Вы узнаете, как шаг за шагом, из года в год, я смогла найти моё прошлое.

Часть 1. Кто я? Чья? Откуда? Раиса-Рената

Свои воспоминания я посвящаю детям – сиротам Великой Отечественной войны (Второй Мировой войны)

Жизнь человека – это история жизни той страны, в которой он живёт.

Мне иногда задают вопрос: «Вы считаете, что Ваша история уникальна?». Я считаю, что история любого человека уникальна. В моём случае – это повторение многих судеб детей-сирот Второй Мировой войны. Как можно было выжить во время войны? Это загадка.

Спустя 59 лет найти свою мать, имея при себе только имя – Раиса, фамилию – Кулишёва, год рождения – 1943. Разве это не чудо? Как говорится в пословице: «найти иголку в стоге сена».

Всё, о чем я пишу, это многолетний труд поиска моих родителей.

Моя история началась задолго до моего рождения. Моя мать, как и многие жители Земли, жила, училась и мечтала о будущем. Никто не ожидал, что мечты рухнут в один миг, как карточный домик.

Так, 22 июня 1941 года Гитлер вероломно напал на Россию безо всякого объявления войны. Захватил Белоруссию, а затем и Украину. Моя мать жила в это время на Украине. Окончила школу. Но это всё я узнала спустя 59 лет. Многого я ещё не узнала, так как моя мать умерла в 2002 году. Мне помогла её найти только в декабре 2003 года Международная Служба Розыска Красного Креста в городе Бад-Арользен, ФРГ. Конечно, хочется найти отца, но это ещё тяжелей, так как я не знаю даже его фамилию. Кто он? Откуда?.. Прошло очень много времени, а самое главное уходят очевидцы в мир иной. Конечно, пока есть, где искать, я буду заниматься поиском. Не найду отца, найду историю моей матери, то есть историю жизни во время Великой Отечественной войны многих русских, украинских людей.

Где моя Родина?

Свой рассказ пишу на основании найденных архивных документов и рассказа немецкой приёмной матери, её приёмной дочери и сестёр по кровной матери, с которыми я встретила в декабре 2003 года. Встретилась с сёстрами, которых моя мать родила в послевоенный период, они и рассказали немного о жизни матери на чужбине. Поиском своих родителей я занимаюсь с 1964 года. По мере поиска я смогла постепенно посетить места пребывания моей матери на принудительных работах в Германии. Посетила я и места, связанные с моим рождением и разлучением с родной матерью. В своих воспоминаниях хочу рассказать, как я смогла найти своё прошлое.

Расставание с матерью

С 19.01.1945г. по 31.01.1945г. я находилась на стационарном лечении в больнице Хуфеланд в Берлине, Кароверштрассе, 11. Мне было два года. С этого периода времени я родную мать больше не видела и теперь жизнь пошла по-новому, без матери.

Я с мамой. Мне 2 года. Германия, г. Берлин. 1944 г.

Спустя больше 50 лет я встретила со своими сёстрами, я поняла, что моё расставание с матерью все помнят по-разно-

му. Самая младшая сестра рассказала, что меня срочно отняли и положили в больницу. Сказали, что я больна тифом, затем поправила себя и сказала, что «анемия». Позже сообщили, что ребёнок умер. Старшая сестра на это возразила: «Нет! Ты не лежала в больнице. Матери велели нести швейную машинку к поезду, а ребёнка принесут к отходу поезда. Ребёнка к поезду никто не принёс, а швейная машинка по сей день у неё дома. Мать всегда расстраивалась, получается, что ребёнка продала за швейную машину».

Третья сестра сказала, что у неё есть фотография, на ней наша мать и моя приёмная мать. Я эту фотографию не видела. Где найти правду?

С 31.01.1945 по 12.12.1945 год документальных сведений никаких нет.

Вторая мама – немка

По документам с 12.12.1945 года нахожусь на воспитании у приемных родителей – супругов Росс, проживающих по адресу: Берлин-Хайнерсдорф, Фазольтштрассе 27, а 15.12.1947 года меня насильно отнимают русские офицеры.

Мне пять лет. Что может помнить ребёнок в этом возрасте? Отдельные яркие картинки воспоминаний, которые в детстве приходили иногда во сне. Когда я выросла, я думала, что это мне только приснилось.

Я помню, что жила в хорошем доме. Возле дома росли две маленькие ёлки. Сидя за круглым столом у окна, рисовала грифелем. Смутно помнила, что имя у меня было «Рената». Помню, как мне прокалывали уши, чтобы надеть серьги. Возле дома я каталась на «самокате» и соседский мальчик ударил меня – я упала.

Однажды я видела, что к дому подъехала чёрная легковая машина. Я сидела у окна и рисовала. Затем я с мамой села в машину. Оказавшись в помещении, меня повели в одну сторону, а мать пошла в другую сторону. Я очень горько плакала.

Спустя некоторое время приёмная мама пришла ко мне, но я не могла понять, почему передаёт мне сквозь крупную сетку изгороди игрушку, куклу и платочек. С тех пор я боль-

ше её не видела.

Я сегодня понимаю, потеряв родную мать, мне нанесли большую травму в моей душе. Но когда меня насильно разлучили с приёмной матерью, мне нанесли травму, от которой и по сей день не могу оправиться.

Детский дом при ПФЛ №226. г. Бранденбург ФРГ. Встреча с Россией

С 15.12.1947 года я живу в пересылочном фильтрационном русском лагере «ПФЛ» №226, города Бранденбург. При лагере был детский дом. Дети-сироты поступали из пригорода Берлина, укомплектовывались группами и отправлялись специальными эшелонами в Россию.

Новый год 1948, ПФЛ №226

Я была вывезена вместе с другими детьми-сиротами 10.02.1948 года эшелоном №50055.

Сначала я поступила в Дом Ребёнка №3 г. Калининграда (бывший Кёнигсберг), а затем 24.02.1948 года меня отправили в детский дом города Славск Калининградской области, где уже находились дети-сироты, тоже прибывшие из ПФЛ №226. Возраст детей был разный – от 3 до 15 лет. О первых годах детдомовской жизни я мало что помню. Разве только, как поселили нас в деревянный домик с двумя комнатами, который находился около главного корпуса. В одной комнате располагалась спальня, в другой – столовая, она же игровая. Помню, было много клопов, которые больно кусали и не давали спать по ночам, и, если раздавишь клопа, то от него шел очень неприятный запах. Какие были у нас игрушки? Никаких. Старшие мальчики читали нам сказки. А Вадим Лёвин крутил нам фильмоскоп. Самые любимыми стихами были стихи детского писателя Корнея Чуковского. Особенно стихотворение «Тараканище».

Старшие девочки мыли нас, а затем в простынях приносили нас в наш домик. Летом в жаркую погоду старшие девочки поливали нас из лейки.

В городе был бассейн, куда мы ходили купаться. У нас было своё место для купания, так называемый – «лягушатник».

В каком году нас перевели в двухэтажное здание? Наверно, когда я училась в первом классе. В это время мы могли спокойно бродить по территории детского дома. Через

просёлочную дорогу гуляли по стадиону. В кустах играли в «дочки-матери». На дорогах валялось много кусочков черепицы, которые заменяли нам игрушечную посуду, а съедобная трава была едой. Черепица – это остатки разрушенных немецких домов после войны. Черепицей были крыты крыши домов.

За стадионом за колючей проволокой находились немецкие военнопленные, на которых мы приходили смотреть. Видно, я прислушивалась к немецкой речи, когда-то очень знакомому мне языку. Девочки говорили, что немцы давали им конфеты, я этого не помню.

С другой стороны детдома находились качели и карусель, которую мы называли «гигантскими шагами».

Но самая запоминающаяся игровая площадка – это немецкое кладбище. На могилах лежали мраморные плиты, которые мы использовали, как игровую комнату. Одна могила служила столом, другая – кроватью. «Дочка, ложись спать! Дочка, кушай».

Старшие мальчики шили нам маленьким куклы из тряпок. Глаза, рот и нос были нарисованы цветными карандашами, а волосы заимствовали у лошадей, отрезая часть хвоста.

Днем, играя на кладбище, мы не задумывались о том, что мы тревожим покой похороненных людей. А когда вечером шли через кладбище из школы домой, было страшно, жутко. Кушать хотелось всё время. Ели съедобные травы, листья,

жёлуди, а несколько лет спустя ели жмых. Мальчики приносили с железнодорожных станций. Это было лакомство.

Об одежде. В чём одеты мы были, не помню. Зимой очень было холодно, а летом ходили босиком. Я по сей день ощущаю при воспоминании о пыльных дорогах мягкую пыль. По этой пыльной дороге мы ходили в кино всем детским домом. Иногда мы ходили самостоятельно в кино. Придя в фойе кинотеатра, останавливались у стены. Женщина, которая пропускала посетителей в кинозал, спрашивала у нас: «Девочки, вы из детдома?» Получив положительный ответ, она пропускала нас в кинозал на просмотр фильма. Какие фильмы смотрели? В основном про войну. «Зоя», «Павлик Морозов», «Как закалялась сталь» и другие...

Жители очень сочувственно относились к нам. Особенно мы это видели, когда в сельском клубе мы давали концерты. Жители смотрели концерт со слезами на глазах.

Какое хозяйство было при детском доме? Я уже говорила о лошадях. Сколько их было, не знаю. Были свиньи, им варили в «мундире» мелкую картошку в большом котле, а мы воровали, чтобы поесть.

С четвертой стороны здания была живая изгородь из туи. За изгородью находилось русское кладбище. Там я ни разу не была, видно, было закрыто.

Старшие девочки – шефы

В первый класс я пошла в 1950 году. Училась я плохо, наверно потому, что меня била одна старшая девочка, которая считалась моим шефом. Однажды она привела меня в комнату, раздела догола, положила на кровать, на голую пружину, и била ремнём. За что? За то, что я приехала из Германии и говорила на немецком языке? Страх насилия остался при мне на многие годы. Я часто пряталась у печной топки, ночная няня уже знала моё убежище и приходила за мной, чтобы уложить спать. Утром только произносили слово «Подъём!», как меня уже не было в кровати.

И вот во втором классе моим шефом стала Лиза. По приходу из школы Лиза спросила, какие отметки я получила. Я сразу заплакала, подумала, что она меня будет бить. Я ей сказала, что получила два по чтению. «Глупая», – сказала Лиза. – «Зачем плачешь? Вот выучишь следующий урок и исправишь отметку». Она была права, рассказ я выучила наизусть, и на следующий день я получила пять. Этот рассказ остался в моей памяти на всю жизнь. Вот первые слова этого текста: *«Терентий? Терентий? Я в городе была. Бу! Бу! Бу! Была, так была...»*.

Лиза была настоящей старшей сестрой, которая помогала мне в учёбе, помогала мне понять математику, учила танцевать. Во втором классе я была принята в пионеры. Окон-

чила второй класс без троек, и мою фотографию поместили на доску почёта. Я была счастлива.

Лиза окончила семь классов. Летом её устроили на кондитерскую фабрику в городе Советск. Мне было очень тяжело потерять старшую сестру, только получив её в награду за мои страдания.

Личное дело

Все дети хотят знать, где их родители. Но, где можно узнать о себе, о своём происхождении? Мне было 9 лет, когда я впервые проникла вместе с другими ребятами в кабинет директора детского дома, где находились личные дела на каждого ребёнка. Мы разобрали свои личные дела и стали изучать. В моём личном деле я увидела документ на немецком языке. Перевода не было, но в левом углу документа была фотография. С фотографии смотрел очень худой ребёнок. Возраст ребёнка тяжело было определить. И вдруг кто-то из ребят, увидев мою фотографию, крикнул: «Рая, ты тут, как из концлагеря!». Я быстро оторвала фотографию с документа, решив, что теперь никто не увидит, какая я страшная на ней. Эту фотографию я долго прикладывала к зеркалу и долго сравнивала с собой. Я это или не я. Не могла поверить, что худой ребёнок на фотографии – это я. Я сравнивала свою фотографию со своей подругой Валей Сулис. Валечка приехала со мной одним эшелоном. Я даже думала, что мы сёстры. Мы были чем-то похожи. У Вали были большие ручки, как буква «Г», одна короче другой. Но и она моей сестрой, подругой недолго побыла. Летом 1952 года её перевели в инвалидный детский дом, который находился на берегу Балтийского моря в городе Светлогорск.

Мне 9 лет.

Женщина с моей фамилией

В моей жизни произошло интересное знакомство. Как-то я дежурила по кухне и случайно увидела, что женщина, которая принесла нам молоко, в книге регистрации молока расписывается моей фамилией. Я сказала этой женщине, что у меня тоже такая фамилия. Позже она меня спросила, не хотела бы я пойти к ним жить в качестве дочери. Она сказала, что у неё сын погиб во время войны. Я согласилась. Каждому ребёнку хочется иметь своих родителей. Была я у неё дома. Возле дома был сад, а под деревьями стояли ульи. В подвале находились звери, если память мне не изменяет, то это были бобры. В сарае у неё находились две коровы. Прошло некоторое время, и она сказала, что муж не согласился взять меня на воспитание. Муж сказал, что они старые, умрём, а она опять останется сиротой.

Опять моё счастье прошло мимо меня, возможно, моё прошлое помешало моему счастью.

Санаторный детский дом

В 1953 году, когда я училась в третьем классе, меня отправили в санаторный детский дом в городе Советск (бывший город Тельзит).

Наш детский дом находился на улице Гастелло, напротив детдома военные отстраивали красное здание.

В шесть часов утра начиналось радиовещание. Из чёрного круглого репродуктора сначала звучал гимн Советского Союза. Мы вставали под гимн Советского Союза и стояли, держа «руки по швам».

Хорошо помню, когда болел наш вождь страны, товарищ Сталин. С большим вниманием следили мы за состоянием здоровья нашего вождя. Сообщали, сколько пиявок было поставлено вождю на затылок. 5 марта 1953 года Сталин умер. Все жители города плакали. Был траур всей страны. По-моему мы не учились 5 дней.

На празднике 1 мая, впервые нам дали в подарок красный галстук, голубые носочки и маленькое ведёрко с лопаткой, чтобы играть в песочек. Вообще в детских домах отмечали три праздника: Новый год, 1 мая и 7 ноября. Давали нам кулёк гостинцев, сладости. Мы гостинцы растягивали на долгие дни, чтобы продлить удовольствие.

В этом городе проживала моя старшая «сестра» Лиза. Узнав Лизин адрес, я пошла к ней домой. Её дома не оказа-

лось. Позднее Лиза пришла ко мне в детский дом и принесла большой кулёк с гостинцами. Я от счастья ревела навзрыд. Лиза, чтобы отвлечь меня от моих слёз, говорила, чтобы я угощала подругу.

Позже Лиза вышла замуж. Очень трудно было осознать, что я опять потеряла дорогого мне человека. Но у каждого из нас была своя дорога жизни.

Летом 1954 года Славский детский дом расформировали, всех детей распределили по другим детским домам. Спустя 50 лет, я узнала, что там остались дети дошкольного возраста. Сегодня детский дом действующий, только в другом здании.

Детский дом. Посёлок Калиновка

Я поступила в детский дом посёлка Калиновка. В этот детский дом я прибыла с девочками, с которыми я приехала одним эшелонам из Германии. В этом детдоме я прожила три хороших года. Здесь мы многому научились, хотя, как и всем детям, нам хотелось просто полодырничать. Спустя прожитые годы жизни ты понимаешь, что правильно распланированный день дал нам много хороших знаний, позже эти знания пригодились в жизни. В этом детском доме, как и в предыдущем, мы интересовались своей жизнью во время войны. Однажды мы с ребятами проникли в кабинет директора детского дома, разобрали свои личные дела и стали изучать. Теперь немецкий документ лежал вместе с переводом, сделанным воспитательницей. В правом углу документа была красная марка с немецким орлом, а в левом углу пустое место от бывшей фотографии, которую я выдрала ещё в 1952 году из документа, а затем уронила в паз зеркала и не смогла оттуда изъять.

Разрешение на содержание

Под маркой было указано, что документ выдан 12.12.1945 года соц. отделом города Берлин, район Панков.

«Разрешение на содержание. Даём настоящим фрау Фрида Росс, живущей Берлин – Хайнерсдорф, Фазольтшрассе, 27, разрешение (которое может быть во всякое время опровергнуто) на взятие, на содержание ребёнка, Раисы Кулишовой, около трёх лет.

Разрешение действительно только для вышеуказанного ребёнка и настоящего местожительства приёмной матери. По окончании срока содержания ребёнок должен быть возвращён отделу молодёжи (Югендамт) и подпись».

В моём личном деле находилось и восстановленное свидетельство о моём рождении, которое оформили 26 января 1952 года.

В нём написаны были придуманные родители. Мать – Кулешова Екатерина Ивановна, отец – Кулешов Иван Николаевич. День моего рождения написали 23 апреля, а место рождения – город Неаполь, РСФСР. Где находится моё новое место рождения, я так и не нашла. Мы со всеми ребятами детского дома искали место нахождения города. Выяснили, что город Неаполь находится в Италии, но у меня написано РСФСР. Нашли г. Неаполь в учебнике истории, но этот город был до нашей эры, на крымском полуострове. Так я при-

обрела кличку: «Италия – страна макарон». В детском доме у нас у всех были прозвища.

Трудовое и музыкальное воспитание

День начинался с зарядки. Завтрак. Летом после завтрака ходили иногда работать в совхоз, а другие дни стирали бельё, гладили его, мыли полы в учебном корпусе. Учили нас шить на ножных «зингерских» швейных машинках. Любили вышивать. Одно время мы вытаскивали цветные нитки из полотенец для вышивания. Позже стали нас учить вышивать крестом и гладью.

Дежурили по кухне и по столовой по очереди. Вечером чистили картофель, а вернее тот, кто на следующий день дежурит по кухне.

После обеда был тихий час. Затем полдник.

Теперь начинались культурные мероприятия. Учились петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах.

Был у нас и приусадебный участок, на котором мы тоже трудились. Была и столярная мастерская, где учили и нас, девочек, столярному мастерству.

Василий Петрович был мастер на все руки: играл на всех музыкальных инструментах, столярничал, и приусадебным участком тоже он заведовал. В плодовом саду стояли улья, по-моему, их было 36, и, когда Василий Петрович качал мёд, он нас приглашал извлекать мёд из сот. Пчёлы нас жалили, но мы все равно с большим удовольствием ходили на такое мероприятие.

Были и свободные дни, когда мы играли в мяч. Катались на велосипеде. Был один велосипед, поэтому выстраивалась длинная очередь.

Мы играли на дороге, а мимо проносились машины с солдатами. Солдаты кидали свои адреса, чтобы мы писали письма. Нам было в это время 13—15 лет. Мы одному солдату написали письмо. Украли фотографию у бабки «Ульянихи», которой, наверно, было лет 70, и послали солдату.

Помню в 50-ых годах заставляли неграмотных жителей учиться в школе. Сколько было возмущения, мы слышали от бабки Ульянихи, которой, наверно, 70 лет. Учились и цыгане.

Иногда ходили по хуторам. До войны на этих хуторах проживали немцы. Немцев вывезли в Германию, на историческую родину, а дома, сараи и сады остались. Вот мы и ходили собирать яблоки, груши, ежевику, чёрную смородину, ревень, потому что в первые годы после войны никто там не жил. Многие дома были разрушены войной. Хутора находились на большом расстоянии друг от друга. На полях собирали одичавшую клубнику, щавель и съедобные травы.

Были организованы соревнования между детскими домами. Мне тяжело было почему-то бегать, и я бегала, если только кого-то надо было заменить в эстафете. В волейболе я участвовала, потому что в нашем классе было шесть девочек, команда.

В 1957 г. мы заняли первое место по волейболу на со-

ревнования между областными детскими домами. Дали нам на руки грамоты и маленькие чемоданчики – «балетки».

Художественной самодеятельностью занимались все. Наш хор пел под руководством струнного оркестра. Руководил оркестром Орленко Василий Петрович. Пели русские народные песни и много украинских песен. Василий Петрович был украинец. Пели колыбельную песню. Кто автор этой песни не знаю, думаю, Василий Петрович. Он дал нам её петь.

1. Спи, Наташа, я не понимаю, отчего в тебе такая страсть.

Мы победу одержали в мае, ну а ты в июне родилась.

И только ветер за окном шумит.

Над твоею маленькой постелью.

Припев:

Так спи ж моя Наташа, ты всех милей и краше.

Нам с тобой не страшен серый волк, в степи.

Ты закрой реснички

И пусть тебе приснится золотая птица.

2. Это кто, там позабыв страдания, хочет дать дорогу палачу.

Я тебе кричу Британия! Я тебе Америка кричу!

«Дайте ж спать спокойно малым детям.

Чтобы наступила та пора, чтобы Дженни, Мэри и Наташа спать могли спокойно до утра».

Припев.

Я была запевалой в хоре. Исполняла соло. Любила танцевать.

Любила вышивать крестом. Чему бы я не училась, занималась с удовольствием.

Василий Петрович учил меня играть на фортепьяно. Хвалил меня. Говорил, что у меня замечательный слух. Однажды дал мне подержать свою скрипку, и был восхищён тем, что я правильно приготовилась к игре на ней. Говорил, что у меня к музыке большой талант. Но, окончив в этом детском доме семь классов, меня вместе с другими одноклассниками отправили в другой детский дом. В селе была семилетняя школа. Моё музыкальное образование на этом окончилось. Когда я училась в шестом классе, в музыкальный детский дом, который находился в Ленинграде, отбирали детей, кто окончил пятый класс. Когда училась в седьмом классе, в музыкальный детдом брали из шестого класса. Вот такое невезение в жизни, так мне объяснили. Может, моё прошлое помешало моему переводу в музыкальный детдом.

Летом я поехала в г. Калининград поступать в Железнодорожный техникум, у меня была мечта стать машинистом поезда. Мне сказали, что девочек не принимают на машиниста поезда, и я не сдала вступительные экзамены. Не поступив в техникум, я была переведена в детдом посёлка Желез-

нодорожный.

Пограничный детский дом. Посёлок Железнодорожный Калининградской области

В июле 1957 года перевели меня в детский дом, который находился в поселке Железнодорожный на границе с Польской Народной Республикой. Здесь новому я ничему не научилась, пользовалась знаниями, приобретёнными в предыдущих детских домах. Во всех детских домах режим дня был одинаковый. Также ходили в школу, дежурили по кухне, мыли полы, чистили картошку. Готовились к соревнованиям. Ездили на смотр художественной самодеятельности. Здесь мы уже шили мужские рубашки, а себе школьную форму. В этой школьной форме ходили в школу и даже на танцы в сельский клуб. Клуб был в старой немецкой церкви. Нам было уже по 16, а кому-то и 18 лет. Нам уже нравились поселковые мальчики, которые могли купить нам билеты в клуб на танцы. В клубе был кинозал, где показывали фильмы. Были замечательные фильмы: «Девушка без адреса», «Карнавальная ночь» и многие новые комедийные фильмы, адресованные нашему поколению. Всё хорошее, что было в этих фильмах, мы брали с собой в свою жизнь, так как у нас у многих не было даже сестёр, которые могли бы направить нас на правильный путь.

О здании детского дома я слышала, что во время Великой Отечественной войны это было Гестапо. Всё может быть, ведь в подвальном помещении было несколько маленьких комнатушек, двери были металлические и с маленькими окошками, на которых были решётки. Этому зданию в то время было почти 100 лет. Через дорогу стояла двухэтажная развалина. Говорили, что это была гостиница. Далее стояла развалина без крыши, бывшего клуба. Утверждать не могу, но это разговоры 1959 года. С четвёртой стороны здания был сад.

Был сарай, где находились наши кормилицы, коровы. Было ещё одно здание, где находилась наша швейная мастерская.

Конечно, с таким прошлым этого здания в нем трудно было жить, но мы прошли жизнь ещё хуже и поэтому не заостряли своё внимание на этом. Жутко было ходить в подвал, конечно, когда не было света. Ведь там у нас находился туалет.

Жили мы между собой дружно. У нас были подшефные первоклашки. Как-то ночью пришёл мальчик с первого класса к своей подшефной. Разбудил Галю и просит, чтобы она дала ему новые ботинки, которые он получил и дал ей на сохранение, померить. Померив свои ботинки, он отправился спать. Мы сами иногда вставали ночью, чтобы померить своё новое платье, не часто мы получали новую одежду, в основном ходили в обносках.

Когда я училась в 9 классе, моё осеннее пальто отдали девочке, которая выходила из детского дома, и мне всю осень пришлось ходить на улице без пальто, пока мне не сшили новое. Пальто было мне не по размеру, пришлось запахиваться. В 1959 году я окончила девять классов, нам дали бумагу и ручку, чтобы мы написали заявление, что мы хотим поехать на прядильно-ткацкую фабрику на работу. Выдали одежду в одном экземпляре. Отправка была в июле месяце. Зимнюю одежду нам не выдали, потому что у нас в детдоме теплой одежды не было.

Поезд идёт на восток

Нас было около 25 девушек. Наш поезд шёл среди полей Белоруссии. Кто-то обратил внимание на избушки, крыши у которых были крыты соломой. Куда нас везут? В Калининграде дома были крыты черепицей, а здесь соломой. Почему так? Уже никому не хотелось ехать на новое место жительства. Все расплакались, но поезд шёл по заданному маршруту. Приехали в столицу нашей Родины, Москву, так нам сообщило радио в вагоне по прибытии поезда. Автобус повёз нас по Московской области. Было интересно, вдоль дороги стояли одноэтажные дома, отделялись они между собой индивидуальными заборами. Только таблички, стоящие вдоль дороги, обозначали название местности. Когда автобус повернул на трассу, ведущую в город Красноармейск, здесь нас встретил вдоль дороги лес. Лес состоял из елей, сосен, берёз и других деревьев, которые прорастали в этой зоне.

16 лет.

Город Красноармейск. Проезжаем сквозь красные ворота, улица с красными домами. Подъехали к прядильно-ткацкой фабрике «имени Красной Армии и Флота». Вид фабрики и города был серый, неинтересный. Это впечатление осталось на всю жизнь. И, конечно, любви к городу не появилось. Вообще, город состоял из двух районов, которые жителями между собой назывались «фабрика» и «военный полигон». В фабричном районе жили рабочие фабрики в домах казарменного типа, которые были построены фабрикантами до Октябрьской Революции. Когдаходишь в казарму, то сразу попадаешь в длинный коридор с множеством дверей. За дверьми находились небольшие комнаты, где проживали со своими семьями рабочие фабрики. Кухня и туалет были общими. Второй район был с современными постройками, там были научно-исследовательские институты и ра-

кетный испытательный полигон.

Нас поселили в общежитие. Раньше здесь была столовая для инженерно-технических работников. Общежитие приобрело прозвище «ИТР». Полы в комнатах были всегда тёплые, так как на первом этаже располагалась пекарня. Здесь также был общий коридор, общий туалет и комнаты, в которых поселили нас столько, сколько помещалось кроватей в комнате. В комнате был общий стол.

Так начиналась наша новая жизнь, овладевали специальностью в ФЗО. Утром училась на прядильщицу, затем практика на фабрике, а вечером школа рабочей молодёжи, 10 класс.

В школу ходили мы неохотно, много пропускали. Даже была у нас поговорка: «День гуляю, два больной, а на третий выходной». Классный руководитель приходил к нам и уговаривал нас учиться, он был в возрасте и, видно, с большим сочувствием относился к нам, детям-сиротам войны. Он, наверняка, воевал.

Самое интересное, что было в нашей жизни, это танцы и просмотр новых кинофильмов. В шестидесятых годах появились новые фильмы о детях-сиротах Великой Отечественной войны. Нам было интересно знакомиться по этим фильмам со своим прошлым. Кто мы? Откуда? Где наши родители? Эти вопросы интересовали нас всю жизнь. Фильмы: «Помни имя своё», «Это случилось в милиции», «Ищу человека»... Они подсказывали нам, кто может нам помочь в по-

иске наших родителей. Но пойти в милицию я не решалась, боялась. Да и с чем идти? У меня было только имя, фамилия и год рождения.

Моё замужество

В шестидесятом году я познакомилась на танцах с будущим мужем. Он танцевал с девушкой, а я с подружкой, и он нечаянно наступил мне на ногу. Я ему басом проговорила: «У! телега!». Он в ответ сказал: «Такой голос и такие глаза!». И на следующий танец он меня пригласил. С большим вниманием и пониманием он относился ко мне. Он иногда приносил из своего домашнего огорода овощи: огурцы, помидоры и картофель. В детском доме всегда хотелось кушать, и здесь тоже не хватало нам еды. В 1961 году я вышла замуж. Переехала к мужу в Пушкинский зверосовхоз. На фабрику теперь я ездила на автобусе. В 1962 году у нас родилась дочь Елена. Я ушла с фабрики. Теперь надо было устраиваться на другую работу. Но куда? У меня нет профессии. Так как я не могла устроить дочь в детские ясли, я устроилась на работу в инвалидный детский дом ночной няней. Днём я была с дочерью, а ночью за дочерью ухаживала свекровь, бабушка.

Как-то ночью расплакалась девочка, у которой что-то болит. Я её успокаивала и сказала: «Мальчик не плачь!». Кто-то меня поправил, сказал, что это девочка. Глядя на неё, я тоже заплакала. Теперь я увидела, что у неё заболевание, явно выраженная болезнь: «Рахит». Это была очень тяжелая работа. Я больше не смогла морально работать в этом детдо-

me.

Раиса, 17 лет.

Устраиваюсь ученицей повара в ресторан на станции «Пушкино». До Пушкино надо было ехать автобусом, денег на дорогу не хватало. Я получала всего 18 рублей ученических. Ездила «зайцем», то есть кондуктору вместо 20 копеек отдавала 10. Мне нравилось работать поваром. Нравилось работать в мясном цеху. Позже меня перевели в буфет на станции Мытищи. Теперь я утром работала, а вечером ходила учиться на повара в вечернее училище (ПТУ), получила справку об окончании училища, помощник повара 4 разряд.

Шеф-повар и заместитель шеф-повара были друзья детства, и, если мне не изменяет память, то они бывшие беспризорники. Узнав, что я бывшая воспитанница детских домов, они оказывали мне материальную помощь и моральную поддержку в жизни.

Начало моего поиска, 1964 год

Когда я выходила из детского дома, у директора детдома попросила выдать мне на руки немецкий документ «Разрешение на содержание», в котором говорилось о моем временном воспитании в немецкой семье. С таким документом я прибыла в детский дом №3 г. Калининграда из ПФЛ №226 г. Бранденбург, Германия. Под расписку директор детдома выдала документ мне на руки. Правда, там ещё остался документ – продовольственная карточка.

Заместитель шеф-повара на работе был бывшим майором милиции уголовного розыска. Он был воспитателем в колонии, а во время войны с заключёнными воевал на передовой, под большим секретом рассказал, что впереди были немцы, а сзади русские пушки.

Однажды при разговоре я поведала ему о моем немецком документе. Он посоветовал обратиться мне в Главное Управление Милиции Министерство Охраны Общественного Порядка «ГУМ МООП РСФСР» по адресу г. Москва, ул. Огарёва, 6. Я отправилась в Москву на Огарёва, 6. Дождалась своей очереди и обратилась к полковнику милиции с просьбой о поиске моих родителей. Моим делом занялась майор милиции Юдаева Валентина Фёдоровна. Написала под её руководством заявление и приложила свой немецкий документ.

10 декабря 1964 года вышла обо мне статья в газете «Сельская жизнь» в рубрике «Человек ищет человека», где говорилось, что я ищу своих родителей. Автор статьи А. Басов.

«Сто тысяч радостных встреч».

«Неаполитанка Раиса Кулешова».

«...Рая дошла до Московского телеграфа, ещё раз проверила адрес и свернула на улицу Огарёва. Лифт поднял её на пятый этаж. А вот и 537-я комната. Чуть картавя, она назвала себя: Раиса Ивановна Кулешова.

– Ну что ж, давай знакомиться. Валентина Фёдоровна. Перед майором, работником паспортного отдела милиции В. Ф. Юдаевой стояла невысокая молодая женщина с копной светлых волос, большими голубыми глазами. Да, она замужем, имеет ребёнка и фамилия сейчас другая – Богданова. Рая рассказывает о себе. Они живут в Пушкинском зверосовхозе Московской области.

У неё нет родных. Она, муж и ребёнок. Вот и вся семья. Молодая женщина хочет найти мать и отца, может быть, они живы. Она читала в газетах, слышала по радио, телевидению, что люди находят друг друга. Через 20, а то и больше лет, всё равно находят.

– К сожалению, не всегда, – грустно улыбаясь, произносит Юдаева. – Расскажи о себе подробнее.

Рая открывает сумочку и бережно достаёт несколько аккуратно сложенных бумажек, она их очень бережёт, и до-

кументы. Это всё, что у неё есть. Валентина Фёдоровна читает: 23 апреля 1943 года. Отец – Кулешов Иван Николаевич, мать – Кулешова Екатерина Ивановна. Место рождения – Неаполь, Италия.

«Неаполитанка» Раиса Кулешова?! Запись о рождении восстановлена, – размышляет Юдаева. – Возможно, ошибка“. А эти документы подлинные. Они на немецком языке. Вот перевод. Это продовольственная карточка, а это?.. „Документ выдан 12.12.1945 года. Город Берлин. Район Панков. Социальным отделом.

Разрешение на содержание. Настоящим даём фрау Фрида Росс, живущей Берлин-Хайнерсдорф, Фазольтирассе, 27, разрешение (которое может быть во всякое время опровергнуто) на взятие, на содержание ребёнка Раису Кулешову около 3-х лет.

Разрешение действительно только для вышеуказанного ребёнка и настоящее местожительство приёмной матери. По окончании срока содержания ребёнок должен быть возвращён отделу молодёжи (Югентдамт) и подпись».

Валентина Фёдоровна задумалась, ещё раз прочитала бумажки.

– Будем искать. Это всё, что могу тебе обещать, не больше. Надейся, дорогая. – Протянула ей руку...

С чего Валентина Фёдоровна начала мой поиск?

Далее продолжает рассказывать Валентина Фёдоровна: «Начали мы с того, что определи, где наиболее распростра-

нена фамилия Кулешовы. Оказалось, что в Калужской области, Спас-Деменском районе. Будем искать. Установили, где сейчас воспитательница детского дома в бывшем Кёнигсберге. Там когда-то жила Рая. Нашли воспитательницу. К сожалению, она мало что смогла сообщить. Параллельно будем действовать через Общество Красного Креста».

С этой статьи начался мой поиск. Отзывов на статью было много. Одно письмо пришло из города Салават – Юлаева.

Женщина писала, что во время войны она потеряла всех родственников, а после окончания войны все отыскались. «Надейся и жди», – советовала мне женщина.

Другое письмо пришло из Калининграда, женщина потеряла свою Раису в Австрии, находясь на принудительных работах. Раису она родила в 1943 году. Затем она и дочь заболели, их обеих положили в больницу. Девочку из больницы выкрала немка. Так она потеряла свою дочь.

Я к ней ездила на встречу. Мы оказались совсем не похожими друг на друга. Женщина так настрадалась, что сказала: «Ты никого не ищи, ты моя». В нашей истории не сошлись страны. Меня вывезли из Германии. Видно, для этой женщины было самое большое горе в жизни, потеря ребёнка.

На память 23.04.1965 года

В детском доме восстановили свидетельство о моем рождении где было указано 23 апреля 1943 г. Отец моего мужа был завучем в школе, преподавателем истории, русского языка и литературы, писал стихи. Это стихотворение он посвятил мне.

Феодосий Николаевич Богданов /посвящается снохе Раисе/

Раисе Ивановне в день рождения.

*1. Как рыданья чаек над нами,
В наши души слова ворвались:
«Я ищу тебя, милая мама,
Где ты, мама моя, отзовись».*

*2. Помню взрывы, горящие хаты,
Голос твой что-то тихо просил.
Надо мною склонились солдаты,
На руках сквозь огонь пронесли.*

*3. Детский дом стал мне хатой родимой,
Всё дала мне Отчизна-мать.
Но тебя, самой близкой, любимой
Не смогла я забыть и не ждать.*

4. Я ходила к дороге, мечтая
О счастливом и радостном дне,
Вспыхнет радуга в небе крутая,
И придёшь ты, родная, ко мне.

5. Дней суровых жестокая выюга
Путь надежде моей замела.
Знает только подушка-подруга,
Сколько слёз я тогда пролила.

6. Время много лечит не зримо,
Только мне не сумела помочь:
Колыбельный голос родимый
Напевает мне каждую ночь.

7. Ноет в сердце незримая рана,
Без тебя словно в сумерках жизнь.
«Я ищу тебя, милая мама,
Где ты, мама моя, отзовись!».

Уроки жизни

Моя жизнь дальше стала ещё тяжелей. В 1964 году моего мужа осудили и дали срок: 1,5 года лишения свободы. Теперь моя жизнь стала передо мной большим испытанием. Об этом я умолчу. Ездил к нему на свидания, колония находилась на окраине Москвы. Ездил с двухлетней дочерью.

Какая была радость, когда его через одиннадцать месяцев освободили. Но наши проблемы продолжились. Мужу дали «волчий» билет в жизнь. Это паспортный режим, он должен был жить подальше от семьи и зарабатывать справку о примерном поведении, только тогда его пропишут к жене. Он решил уехать в Ростовскую область к другу. Долго не смог жить без семьи. Приехал домой, а жить было не на что. Устроился на работу во Владимирскую область, чтобы быть поближе к семье. Теперь он приезжал домой на выходной день. Все эти поездки были ему очень тяжёлыми. Однажды приехал и сказал, что больше никуда не поедет.

Мы решили пойти по поводу прописки в Моссовет и Московский Областной Совет народных депутатов. Никто не стал нас слушать. Разве можно слушать бывшую детдомовку и бывшего заключённого. Что делать? Как жить дальше? Кто поможет? Стали перед нами такие вопросы.

За помощью обратилась к Валентине Фёдоровне Юдаевой. Когдаходишь в ГУМ МООП РСФСР по адресу

ул. Огарёва, 6, висит вывеска – «По прописке обращаться в Моссовет и Московский Областной Совет». Валентина Фёдоровна долго разговаривала с полковником, который меня принял. Разговор состоялся очень тяжёлый. Вышла я от него с очень больной головой. Но спустя двадцать дней пришло разрешение в милицию на прописку моего мужа.

Жизнь продолжается

И опять начали мы строить заново нашу жизнь. Мой муж поступил на работу по месту жительства, в Пушкинский зверосовхоз рабочим на кормокухне.

В Московской области, недалеко от города Пушкино, окружённый со всех сторон хвойными лесами, расположен племенной звероводческий совхоз «Пушкинский». В 1928 году была создана Московская экспериментальная ферма пушных зверей. На 100 га разместились сараи (вольеры для пушных зверей). Их обитатели – соболи, норки, песцы, лисицы и хорьки. Первую партию – 150 серебристых лисиц, 90 норок и 10 пар соболей, отловленных в таёжной Сибири, разместили в наспех построенных вольерах.

Не всё поначалу шло гладко. Надо было проделать первые шаги, приобрести опыт, узнать повадки капризного зверя. И звероводы-энтузиасты заботой и вниманием, необыкновенным трудолюбием сумели преодолеть эти трудности. Нашли пути для успешного размножения зверей.

За первое десятилетие изучили и отработали методы содержания и кормления необычных питомцев.

Великая Отечественная война заметно затормозила развитие хозяйства. Племенное поголовье животных было эвакуировано в далёкую Сибирь. Звероводам пришлось немало приложить сил, чтобы сохранить для воспроизводства остав-

шеся поголовье, возродить хозяйство.

Только к 1960 году звероводство начало развиваться. А со временем совхоз стал не только крупнейшим в стране производителем пушнины, но и ведущим репродуктором высококачественного племенного молодняка.

Новая работа

В 1966 году я родила вторую дочку. Когда дочери пошёл второй год, я перешла на работу в зверосовхоз, по уходу за норками. Надо было устроить ребёнка в детские ясли и зарабатывать квартиру.

Мои дочери: Таня и Лена. 1967 г.

Когда я вышла замуж жили мы с родителями. Жили в деревянном, одноэтажном здании бывшей школы. Школа пе-

решила в новое здание, а для учителей сделали семейное общежитие в старом здании.

Комната была метров 30, она была перегороджена на три части, то есть кухню и две маленькие комнаты. Проживало нас восемь человек. Печку мы топили дровами и брикетом, а воду приносили с колонки. В общем коридоре стояла общая газовая плита на две семьи. Газовая плита работала от привозных газовых баллонов. Туалет был на улице. Бельё стирали в корыте, тёрли бельё на стиральной доске, а полоскать ходили на болото. Вода в болоте была коричневой, потому что болото образовалось на торфяных отложениях.

Позже нас отделили от родителей, так как директору школы дали благоустроенную квартиру в новом доме. Теперь мы жили отдельно от родителей, но комнаты были рядом, и нас объединял общий коридор. Мы работаем оба в зверосовхозе и получаем за переселением одну треть дома на другой улице. Родители мужа получают благоустроенную квартиру со всеми удобствами.

Мой муж решил, чтобы нам жилось в дальнейшем легче, чтобы я поступала учиться в институт. Придя к институту, я даже не поднялась на лестницу, которая ведёт в институт. Русский язык для меня в школе давался очень тяжело. Я испугалась, что не сдам экзамен по русскому языку. Тогда мой муж решил сам поступать учиться в институт.

Стал оформлять медицинскую справку. Измерили кровеносное давление, оказалось повышенное. Рекомендовали

сдать анализы. Анализы были плохие. Врач центральной больницы г. Мытищи дал направление на стационарное лечение в больницу. В больнице прошёл он стационарное лечение. В институт справку не дали, не разрешили учиться. Ни родители, ни мой муж не обратили должного внимания на заболевания почек. Муж мне говорил, что врачи ошиблись. За него анализы сдавал брат. Экзамены сдал, поступил.

Переезд в Ростовскую область

На первом курсе института мой муж познакомился с директором звероводческого промышленного хозяйства. Мы с мужем переехали на постоянное место жительства в Ростовскую область.

Мой муж стал работать заведующим кормокухней, а я работницей фермы по уходу за зверями, норками. В посёлке выделили земельный участок, как все жители посёлка занимались овощеводством. В магазине в продаже кроме хлеба, соли, сахара, круп, муки и рыбных консервов ничего не было. Пришлось купить поросёнка и цыплят. На следующий год у нас уже были и яйца, и мясо. На рынке мясо было очень дорогое. У дома мы сажали плодовые деревья. Сельская жизнь пошла своим чередом.

Однажды навестил нас участковый милиционер, он вручил мне адрес моей приёмной матери фрау Фрида Росс, которая проживала по тому же адресу, что и в 1945 году, то есть дали разрешение на переписку. Был 1968 год.

Я написала ей письмо, и она мне прислала очень тёплый ответ.

Первое письмо от приемной матери. Берлин, 1 сентября 1969 год

Милая Рената! Раиса! Так мы тебя называли. Оба твои письма я получила и очень им обрадовалась. Я бы ответила скорее, но из-за разной работы всё не успевала. Я была тоже в отъезде. А к тому же обстоятельства так сложились, что мне нужно было кого-нибудь найти, кто мог бы прочитать по-русски, что задерживает ответ. Но теперь отвечу на вопросы, которые тебя интересуют. Я тебя взяла из детдома в городе Берлин – Бланкенбург.

Германия, г. Берлин. Июнь 1946 г.

Было обращение, не желают ли бездетные супруги взять на воспитание детей, не имеющих родителей. На это мы отозвались и получили тебя. Мы сейчас же подали заявку об усыновлении, но с этим нужно было ждать до выяснения государств-победителей. Во всяком случае, тогда вышло распоряжение, что все дети, не имеющие документов, должны были присуждаться государству-победителю. В силу этого почти через 3 года тебя у нас снова отняли. Если бы я хотела тебе сообщить все подробности, то я могла бы написать целую книжку. Мы предпринимали всё возможное, чтобы тебя оставить у себя, но всё было напрасно.

Так. Теперь ты хочешь знать, имелась ли у тебя документ, или я какие-нибудь из них имела. Нет! При тебе ничего не было. У тебя на шее был всего-навсего ярлык с твоим именем и больше ничего. Погибла ли твоя мать во время бегства, об этом никто не знает. Твой возраст мы определили только приблизительно. Напиши мне, когда установили день твоего рождения. Мы установили день твоего рождения в день, когда мы тебя взяли, а именно 12.12.1945 году. Мне досадно, что я об этом ничего больше сообщить не могу. Если бы ты только знала! Из-за тебя были большие заботы. Но об этом не грусти. Ты можешь сказать своим детям, чтобы их успокоить, что бабушка живёт

в ГДР. А что, если бы ты со своей семьёй как-нибудь приехала в Берлин.

Что касается меня, то скажу, что мой муж умер в 1953 году, а я работала и прекратила работу 1,5 года назад. У меня дочь 25 лет и маленький внук Ёрг. Ему 1 ³/₄ года и с ним много работы. Моя дочь служит, а я ухаживаю за мальшом и веду хозяйство.

Ты совсем забыла немецкий язык? Для меня было бы легче писать тебе по-немецки.

Вот теперь ты кое о чём узнала. Письмо кончаю. Но я была очень рада снова что-нибудь услышать о тебе и о твоей семье.

Прилагаю фотоснимок того времени, когда ты была у нас.

Шлю сердечный привет тебе и твоей семье. Бабушка из ГДР. Мой адрес: ГДР, Берлин, Хайнерсдорф, Фазольтштрассе, 27».

Получив это письмо, надо было решаться на поездку к приёмной матери, но материальное положение не давала нам возможность на поездку. Муж ездил на сессию в институт, на это тоже нужны были деньги. В ноябре 1969 году скоропостижно умер брат мужа. На похороны ездили мы всей семьёй, то есть все четверо, потому что мой муж один ехать отказался, как бы боялся чего-то. На похоронах он меня держал всё время за руку, не отпуская ни на миг.

Сделали покупку, взяли в кредит мотоцикл. Зимой мы привезли его из Москвы. Жизнь налаживалась. Мой муж в очередной раз ездил на сессию. Теперь он приехал домой счастливый, не имея задолженности по институту, и перешёл на 3 курс, кредит был погашен. На работе его перевели в бухгалтерию, так как он теперь должен был проходить практику на производстве. Учился он по профессии: «Учёный агроном-экономист». Зарплата была теперь у него поменьше и его это очень огорчало.

В марте месяце, как-то ночью он меня разбудил и говорит: «Ренатка, я ложусь, и у меня внутри тела всё останавливается». Я сказала: «Ты не ложись, я боюсь». Позже он сумел заснуть полусидя. Я очень перепугалась и на следующий день велела ему пойти к медсестре, в посёлке поликлиники не было. Я была выходная, пошла к нему в контору и спрашиваю: «Ходил к медсестре? – он ответил, что не ходил, у него всё прошло. Я, конечно, была возмущена его поведением. Сама пошла к медсестре и рассказала ей, что произошло с моим мужем ночью. Я ей сказала, что у него слюна была с кровью. Она сказала, что заочно поставить диагноз не может. «А вдруг это туберкулёз», – сказала медсестра. Придя к нему на работу, сообщила о предположении медсестры. Он испугался за детей, а вдруг он их заразит, и отправился на приём к медсестре. Медсестра его прослушала, но с лёгкими оказалось всё в порядке. Измерила ему давление и ужаснулась: «Как можно ходить с таким давлением (220/180)»? Он ей

сказал, что привык. С работы приходил усталый, но в больницу не шёл, потому что он только перешёл на новую работу.

Смерть мужа

Я слышала, что Господь ходит по своему саду и собирает зрелые плоды. Так в ночь религиозного праздника Пасхи умирает мой муж. 17 апреля 1971 году. Шёл ему 33 год.

Я прихожу на обеденный перерыв, и мне муж говорит, что принёс 4 тополя и их надо посадить. До вечера далеко, и я решила с мужем посадить деревья в обеденный перерыв. До вечера могут погибнуть. Кто-то шёл мимо и попросил поделиться одним тополем, он ему отдал. Посадили три тополя после обеда, я с мужем пошла на работу, он меня в выходные дни стал провожать, иногда встречать с работы. «Я, наверно, опять влюбился в свою жену», – оправдывался он мне.

Моя старшая дочь встретила меня на своём велосипеде, когда я шла с работы домой, и говорит, что папа меня ждёт, хочет, чтобы я ему помогла вывести мотоцикл из сарая. Собака тоже прыгала возле него и тоже ждала, когда я приду. Мы выкатили мотоцикл, я проговаривала: «Какой он тяжёлый, как на нем можно ездить?». Он со своими друзьями поехал в степь, обкатывать свой новый мотоцикл, чтобы в посёлке никому не мешать. Он в этот день в первый раз сел на мотоцикл. Правда, он долго не решался сесть на него. Обкатывали мотоцикл друзья.

Дочери Таня и Лена

К вечеру стало холодно, и я дочери велела отвезти телогрейку отцу. Дочь приехала и сказала, что отец уехал далеко, к ферме.

Дома надо было подготовиться к завтрашнему дню. Завтра Пасха. Вымыла пол под клеткой, где сидели маленькие утята, и пошла в магазин, купить хлеба. Видно, у меня было какое-то предчувствие. Пришла к магазину, хлеб ещё не привезли. Все смотрели в ту сторону, куда поехал мой

муж. Я вслух сказала, что мой муж уехал туда на мотоцикле. Мне одна из женщин спросила: «Наладили мотоцикл?». На её вопрос я возмутилась и сказала, что сложного в этом ничего нет, и ноги сами отправились в сторону, куда поехал мой муж. Медсестра, когда садилась на мотоцикл, мне крикнула что-то. Я ничего не поняла и, ничего уже не соображая, пошла дальше. Меня догнал конюх и спросил: «Рая, что случилось?». Я ему сказала, что я ничего не знаю. Мне никто ничего не говорит. Он повернул направо к конюшне, а я пошла дальше. Слышу, сзади едет машина. Я побежала, машина остановилась, шофёр скомандовал мне сесть в машину. Я села. Подъехали мы к месту, где лежал мой муж. Вышла из машины и увидела мотоцикл. Почему-то, мужа, лежащего рядом с мотоциклом, не увидела. Спрашиваю: «А где он? Он где?.. А!.. Вот... Он!». Вдруг я увидела его. Он лежал с открытыми глазами, очки на нём, даже шляпа на голове. В ногах лежал мотоцикл. Мне стали говорить, что сейчас придёт скорая помощь, и его отвезут в больницу. Я почему-то сказала, что ему не делают укол. Меня посадили в машину, подвезли к магазину. Я вышла. На встречу шла моя подруга, и только теперь я сообразила, что произошло. Я расплакалась и закричала ей, что мой муж умер.

Похоронили мы его 22.04.1971 года на Родине, в Московской области. В Пушкинском зверосовхозе он проработал всего 1,5 года, но он за это время успел влюбиться в себя весь коллектив звероводческой кухни, где готовили кор-

ма для зверей.

Когда они узнали о смерти моего мужа, то пришли к родителям мужа, чтобы проводить Юру в последний путь. Характер у моего мужа был очень хороший, внешне всегда спокойный, добрый и руку помощи всегда протягивал. Для меня мой муж был другом и самым родным человеком. Выйдя из детского дома, я не была готова к самостоятельной жизни. Его любовь, его доброта, понимание, помогали мне адаптироваться к новой жизни.

ЖИЗНЬ ВДОВЫ

Я долго не могла успокоиться, ведь потеря самого близкого человека была самым большим ударом в моей жизни. Вновь я осталась одна, только теперь на моих руках было ещё двое детей. Моя жизнь пошла по-новому. Стала я и папой, то есть теперь мужскую работу выполняла я. 10 соток земли которые была у дома, муж успел оградить. Но нам хотелось ещё построить летнюю кухню, потому что летом в доме невозможно было готовить еду.

Температура летом держалась выше 30 градусов жары. Постройкой я занялась в свой выходной день. Выходными днями у меня по графику были вторник и среда. Целый день я прибивала доски, хотелось быстрее закончить. Ударила себе по большому пальцу, расплакалась не столько от боли, сколько от обиды. Палец быстро от удара почернел. Моё тело трясло от усталости, села пообедать, но кусок в горло не лез. Пошла в магазин, купила себе бутылку вина. Когда я выпила стопку, у меня появился аппетит. После того, как я налила себе вторую стопку вина, мои дочери расплакались: «Мама, не пей, „пьяницей“ станешь!». Я быстро нашла, что ответить: «Пить только за маму, а работать и за папу». Бутылку они мне вернули. Когда выпила вторую стопку вина и пообедала, я продолжила своё строительство. Этот урок запомнился мне на всю мою жизнь.

Жизнь продолжалась, а горе моё меня не покидало. К кому голову преклонить, конечно, к маме. На приглашение приемной матери даю согласие на поездку в Германию.

Свекровь приехала ко мне, чтобы смотреть за моим хозяйством и старшей дочерью, которая училась в школе. В этот год я взяла цыплят и индюшат, так как в магазине в продаже никогда не было мяса, так здесь жили все. Однажды свекрови постучали в дверь, она крикнула, что сейчас она откроет. Было удивление, когда она открыла дверь, а возле двери стояли индюки, которые просили есть. Они привыкли получать от меня еду рано утром, потому что мой рабочий день начинался в 7 утра.

Поездка за моральной поддержкой к приемной матери в Германию в 1972 году

Получив приглашение от приёмной матери, я поехала в областной паспортный стол для получения разрешения временного проживания в Германии, то есть вид на жительство в Берлин-Хайнерсдорф. Полковнику паспортного стола я подала свой паспорт для оформления документов, с которыми я могла поехать за рубеж. Когда он увидел в паспорте, что моё место рождения это город Неаполь, а страна РСФСР. Он возмутился: «Где находится такой город?». Я тихо ответила: «Не знаю. Мы все, ребята детского дома, искали по карте город Неаполь и нашли только в Италии». Было такое впечатление, что я сама себе написала этот город в паспорт. Он успокоился и написал место рождение город Никополь.

Получив паспорт, я поехала в Москву, чтобы дальше следовать в Берлин. В кассе дали мне билет на военный рабочий поезд. Поезд следовал до Вюнсдорфа.

Поезд прибыл в Брест, границу между Белоруссией и Польшей. Пограничник проверил мой паспорт, затем я последовала за ним в сберкасса для обмена русских денег на немецкие марки. Помню, что одна дойчмарка стоила 30 копеек.

В Бресте поезд стоял два часа, меняли шасси, колёса. На Западе железная дорога между рельсами уже, чем в России. Многие пошли посетить Брестскую крепость, кого-то сопровождали на таможду, за круглый стол, на досмотр багажа. Я гуляла с дочерью по улице.

Когда пересекли границу Польши, поезд остановился для проверки пассажиров, пограничниками. После того, как пересекли реку Одер, прошли с проверкой немецкие пограничники. Мне всё было интересно, ведь я впервые ехала за границу. Чем ближе я подъезжала к Берлину, тем больше волновалась. Как меня встретят? Узнает ли меня приёмная мать? Узнаю ли я дом, в котором проживала два или три года.

Со мной в одном купе ехал спортсмен по гребле и женщины на работу в Германию. Женщины успокаивали меня, что если меня никто не встретит, то они отведут меня в комендатуру, и служащие в комендатуре отвезут по адресу моего следования. Поезд стоит 30 минут, всё успеем.

Родные воспоминания

Поезд прибыл в Берлин. Со всего поезда вышли только мы с дочерью. Поставила чемодан на платформу, дочь села на чемодан. По платформе шёл мужчина. Он остановился возле меня и спросил: «Богданова Раиса?». «Да», – ответила я. Он объяснил мне, что мама ждёт у лестницы. Встреча была незабываемой. Мы обнялись с мамой, расплакались от радости, что нам ещё раз удалось встретиться. Мы пошли к машине. В маленькой легковой машине «трабант» мы поехали по Берлину, правда, ноги себя не очень удобно чувствовали. В автомашине, если ехать не с открытой форточкой, то сильно пахнет бензином. Моё путешествие проходило с помощью этой машины.

Когда мы подъезжали на машине к дому, я глазами искала маленькие ёлочки, с которыми я рассталась 29 лет назад. В это время я даже не сообразила, что ёлки выросли за этот период времени. Но ёлочек у дома не оказалось. Позднее приёмная мама мне показала близнец дом, который тоже построил приёмный отец, и в то же время были посажены у дома ёлки. Вошли в дом, мне объяснили, что вся мебель в доме та же, как и часы, приобретённые в 1945 году, то есть в таком интерьере я прожила свои счастливые годы. Изменений в доме с 1945 года никаких не было, поэтому в моей памяти всплыли воспоминания. Я вспомнила, как сидела за круглым

столом и рисовала грифелем. Стол стоял у окна, и я помнила, как моя мать машет мне рукой.

Помню, как каталась на самокате, и мальчик толкнул меня с самоката, я упала. Наверно, я не дала ему покататься, поэтому он меня ударил. Как я уже говорила, я приехала к маме со своей младшей дочерью. Ей в это время было почти шесть лет. В доме нас встретила беременная молодая женщина и её сын, которому было 5 лет. Это была приёмная дочь Эдельгард, которую мать взяла после потери меня в 1948 году. Мы подружились, наши дети тоже.

Помню, как к дому подъехала легковая чёрная машина, и нас с мамой привезли в какое-то учреждение. Она пошла в одну сторону, а я в другую со слезами на глазах. Мама подтвердила и добавила, что я горько плакала и кричала: «Хочу к маме!». Она показала, где я спала, и показала, где в другой комнате спала она с мужем.

Конечно, языковой барьер давал нам много трудностей. Приходилось даже общаться жестами, правда, иногда нас навещала переводчица. Мать показала мне две телеграммы 1948 года. В одной телеграмме было написано: «Рената просит куклу», а в другой телеграмме – «Рената в короткое время выезжает». Когда меня забрали, мать рассказала мне, что она размножила мою фотографию и давала жителям Хайнерсдорфа, чтобы они помогли меня найти. Нашла она меня в детском доме при ПФЛ №226 в городе Бранденбург. Она познакомилась с мужчиной, который топил печи, и он устро-

ил нам свидание. Я помню, как ко мне пришла мама и сквозь крупную сетку изгороди подала куклу, игрушку и платочек.

Мама спросила меня и про серёжки, она думала, уши проколоты были ещё в то время, когда я находилась у неё. Но, увы! То, с чем мы приехали из Германии и в чём мы были одеты, у нас забрали. Мы говорили на немецком языке, поэтому нас стали быстро переучивать.

Знакомство с Берлином. Трептов-парк

В городской черте Германской Демократической Республики был открыт памятник-мемориал советским воинам, павшим в боях с фашизмом. Наиболее впечатляющее художественное воплощение освободительная миссия Советского союза и его вооружённых сил нашла в центральной монументальной скульптуре памятника-мемориала. Красноармеец с ребёнком на руках символизирует непоколебимую готовность к защите нынешней и будущей жизни, он олицетворяет беззаветное служение делу мира, счастью народов, прогрессу человечества. Автор Вучетич советский скульптор.

Когда я увидела скульптуру солдата, держащего на своих руках спасённую немецкую девочку, я разрыдалась и долго не могла успокоиться. О чём я в это время подумала, не помню.

Проехали вдоль берлинской стены, которая отделяла ГДР от ФРГ. По ту сторону стены мы увидели серо-чёрное, израненное здание Рейхстага, рейс канцелярия Гитлера, откуда он давал указания для уничтожения мира на Земле.

Были в Берлинском зоопарке, очень понравилось. Ходили по городу, по магазинам, много интересного и нового я увидела там. Ходили в гости, встречались с жителями Хайнерсдорфа, которые помнили меня, когда я жила у приёмной

матери. Всё было хорошо и прекрасно.

Когда я уезжала домой поездом, мне в голову не приходила мысль, что я вижу мать в последний раз. Расставание было тяжёлым. Я с большим усилием сдерживала слёзы. Никто не плакал. Войдя в поезд, я не смогла даже выглянуть на прощание в окно.

Поезд отправился. Проводница подошла ко мне и спросила, кто меня провожал. Затем она сказала, что женщина рыдала так, будто провожает родного дитя.

После встречи с мамой и сестрой, жизнь пошла веселее. Жизнь пошла веселей. Продолжала я переписываться со своей приёмной матерью. Письма я писала на русском языке, а приёмная мать отвечала мне на немецком.

Последние годы жизни в Ростовской области

После смерти моего мужа я прожила в Ростовской области ещё 5 лет, не сразу решилась ехать обратно в Московскую область. Под Ростовом прожить было легче, у меня было 10 соток земли. Ещё с мужем посадили сад: вишни, яблоны, абрикосы и виноград, правда, плодоносили только вишни. Сажала огурцы, помидоры, перец, баклажаны, капусту, картофель, дыни, арбузы. В посёлке был приёмный пункт для сдачи огурцов и помидор. Мои девочки помогали собирать огурцы, затем на пункте они их сдавали, то есть они были при мешках. Жители посёлка помогали моим девочкам сдать огурцы, и им выписывали квитанции. Деньги мы получали в конце сезона. Наши огурцы возили в Москву и в Ленинград.

На работе мне надо было быть к 7 утра. Работала я в звероводческом хозяйстве, ухаживала за норками. Труд был физический. Поили и кормили зверей из ведер. Однажды летом в тени температура воздуха поднялась до 40 градусов жары, я была на обеде. Мне показалось, что очень жарко на улице и побежала на ферму. Когда я вошла в сарай, где находились звери, я увидела, что «мамочки-самочки» лежат без движения. Давай их окунать в холодную воду, так как другого выхода не было. Затем пришла к молодняку, а там лежит

молодняк помётами. Сколько было слёз в этот день. У меня в отделении погибло 9 голов. А в других отделениях погибло от 30 до 100 голов.

Вообще в звероводстве тяжело работать и физически, и морально. Утром придёшь в отделение, проверишь приплод, всё нормально, а на следующий день утром посмотришь, самка замяла всех щенков.

Трудно было и с кормами. Иногда для зверей были голодные дни, нечем было кормить. Как говорится, кормили с колёс, привезут корма, накормим. В этот день мы только поили и переживали, чтобы ничего не случилось.

В семидесятые годы с продуктами в Ростовской области было тяжело. У нас магазин покупал куриные яйца.

Ездила в город купить сливочного масла, колбасы и тушёнку, порадовать своих детей. Шахтерские посёлки и города снабжались хорошо. В шахтёрских посёлках я покупала уголь для отопления своего полдома. Если проанализировать мою жизнь в Ростовской области, то я многому научилась именно там. Мой муж научил меня ценить дружбу, а тяжёлый жизненный труд научил меня быть самостоятельной.

И опять надо жить по-новому. Жизнь с родственниками мужа

В 1975 году я всё-таки смогла вернуться в Московскую область, по просьбе родителей мужа и с их помощью. Директор зверосовхоза «Пушкинский» сказал: «Пора свою работницу вернуть обратно». Он помог мне с пропиской. У свекрови было негде жить, и я должна была пойти снять жилое помещение для моей семьи. В это время была свободная комната в старом доме, о которой мне сообщила комендант посёлка. Директор совхоза согласился, чтобы я заняла эту комнату. Был общий коридор на 3 хозяина, где стояла газовая плита. В коридоре стояли 3 стола, где мы готовили пищу. Моя комната состояла из 9 кв. м. В комнате стоял диван, гардероб и небольшой стол с радиолой-приёмником, на котором дети учили уроки. Конечно, пришлось спать на раздвинутом диване, и укладывались втроем поперёк дивана. В таких условиях мы прожили 3 года.

Продолжение поиска

Как-то вечером я услышала передачу по радиостанции «Маяк» «Бюллетень розыска родных», которую вела поэтесса Агния Львовна Барто. 13 числа каждого месяца поэтесса озвучивала полученные письма о поиске родных и близких, потерянных во время Великой Отечественной войны. По незабываемым воспоминаниям детства она во время и после войны старалась помочь соединить семьи.

4.08.2008 году по телеканалу «Культура» я вновь увидела передачу «Всё равно его не брошу» об Агнии Львовне Барто.

Сергей Михалков вспоминал: «Она была первой, кто во время войны и после войны соединяла семьи. Своим движением „Найти человека“ она соединила около тысячи людей. Она организовала передачу „Найти человека“ на радио „Маяк“, её поэтический талант и внутреннее чутьё подсказывало ей искать людей по незабываемым воспоминаниям детства».

Агния Львовна озвучивала передачи 13 числа каждого месяца: «Вспомни, доченька, вспомни. У тебя была сестра Вера, ты её называла няней. У тебя было красное пальтишко. Вспомни...»

«Юрик, у тебя был заводной зелёный грузовик. Ты потерял к нему ключ и сильно плакал...»

«Володя, сынок, может быть, ты помнишь? Твой брат ра-

ботал трактористом и однажды он привёз двух маленьких лисят. Они ещё жили у нас долго, а лиса приходила к нашему дому и выла...».

Десятки, сотни подобных писем приходили Агнии Барто спустя 20 лет после войны.

У меня появился ещё один шанс поискать своих родителей. Сделала запрос на радиостанцию «Маяк» и вскоре получила ответ на моё письмо.

По поиску Агнии Барто был снят фильм «Ищу человека» 1973 году.

«Главная дирекция программ Центрального внутрисоюзного радиовещания. №389330—30 «21» января 1976 год.

Отдел писем. Москва. Пятницкая, 25. тел.233—62—74.

«Уважаемый товарищ Богданова! Ваше письмо взято на очередь, и мы постараемся включить его в одну из передач «Бюллетень розыска родных». Просим учесть, что писем по розыску поступает на радио очень много. Сообщения о розыске мы включаем в передачи в порядке поступления писем. В январе 1976г. в передачах были использованы письма, поступившие в декабре 1975г. Если после передачи будут отклики – обязательно сообщим.

С уважением, редактор Лысенко».

Был один отзыв из Ставропольского края, г. Нефтекумск. Я поехала на встречу с очередной матерью. Встреча была

тёплой, но у нас сошлась только фамилия, тем более она у неё была по мужу. Её дети сказали, что они не помнят, что у матери была ещё одна дочь. Я из них самая младшая. Она во время войны была в партизанском отряде в Брянской области.

В 70-ых годах вышла передача на первом канале «От всей души» с ведущей Валентиной Леонтьевой. Эта передача помогала людям найти друг друга. У меня была мысль написать на передачу, но я сомневалась в достоверности моих данных, в правильности моей фамилии, имени, места рождения. Я думала, что имея только имя, фамилию и год рождения, невозможно кого-либо найти.

Падение Берлинской стены. Новый шанс в поиске

Только в 90-х годах появилась возможность продолжить поиск моих родителей. В 1989 году рухнула Берлинская стена, которую возвели в 1961 году. Берлинская стена разделяла Германию на ГДР и ФРГ. В 1990 году произошла перестройка. Для нас, детей-сирот войны, открылись Государственные Архивы, где можно было найти своё прошлое.

Как-то я встретила бывшую подругу по детскому дому, которая мне сказала, что бывшим детдомовцам из заработной платы не вычитывают подоходный налог. Написала директору Железнодорожного детского дома письмо, чтобы получить справку, подтверждающую, что я бывшая воспитанница детского дома. Директор рекомендовал обратиться в УНО, где находятся архивы детских домов. Обратившись в УНО г. Калининграда, я получила архивную справку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.